

Россия и Китай в «миробеспорядке» XXI века: рационален ли союз?

© 2020

DOI: 10.31857/S013128120012985-4

Давыдов Андрей Сергеевич

Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН, и.о. главного редактора журнала «Проблемы Дальнего Востока». E-mail: davydov@ifes-ras.ru.

Аннотация:

Автор анализирует дискутируемую в научных кругах и СМИ проблему целесообразности перевода партнерских отношений между Россией и Китаем в союзный формат с акцентом на военный аспект их взаимодействия. Рассматриваются соображения, говорящие, по его мнению, в пользу нецелесообразности и иррациональности заключения такого союза в контексте современной глобальной ситуации, когда новый миропорядок еще не оформлен окончательно.

Касаясь истории союзных отношений СССР и КНР в 1950-е — 1960-е годы, автор заключает, что одним из факторов, способствовавших их слою в то время, было непонимание советским руководством специфики, связанной с историей китайской цивилизации и способствовавшей формированию особого «психотипа» китайцев, что и стало в итоге основой несовместимости национальных менталитетов в СССР и Китае, повлиявшей, наряду с другими причинами, на прочность союза двух стран в середине XX века.

С опорой на данные китайских экспертов подчеркивается преобладание в научной среде КНР мнения о предпочтительности сохранения между двумя странами отношений стратегического партнерства и отсутствии необходимости придания им характера союзных связей.

Ключевые слова:

Россия, КНР, США, миропорядок, партнерство, союз, взаимодействие, конфронтация, национальный менталитет, психотип.

Для цитирования:

Давыдов А.С. Россия и Китай в «миробеспорядке» XXI века: рационален ли союз? // Проблемы Дальнего Востока. 2020. № 6. С. 103–115. DOI: 10.31857/S013128120012985-4.

Russia and China in the “World Disorder” of the XXI Century: Is the Union Rational?

Andrey Davydov

Ph.D. in History, Leading Researcher of IFES RAS, Acting Editor-in-Chief of the "Far Eastern Affairs" Journal. E-mail: davydov@ifes-ras.ru.

Abstract:

The author analyzes the discussion in scientific circles and the media on the expediency of transferring partnership relations between Russia and China into union format with an emphasis on the military aspect of their interaction. Under consideration are his arguments in favor of inexpediency and irrationality of the conclusion of such union in the context of the current global situation, when the new world order has not yet been finalized. Referring to the history of allied relations between the USSR and the PRC in the 1950s — 1960s, the author concludes that one of the factors contributing to their breakdown at that time was the Soviet leadership's ignorance of the specifics and the history of Chinese civilization which contributed to the formation of a special "Chinese psychotype" that became the root of incompatibility of national mentalities in the USSR and China, and influenced, among other reasons, on the strength of the two countries union in the middle of the XX century. Based on the data of Chinese expert assessments, the prevailing in the scientific community of the PRC is the

opinion about the preferences between the two countries of partnership relations and the absence of the need to give them the character of allied ties.

Key words:

Russia, China, USA, world order, partnership, union, interaction, confrontation, national mentality, psychotype.

For citation:

Davydov A.S. Russia and China in the “World Disorder” of the XXI Century: Is the Union Rational? // Far Eastern Affairs. 2020. No. 6. Pp. 103–115. DOI: 10.31857/S013128120012985-4.

В многочисленных откликах СМИ высказывание президента РФ В. Путина 22 октября 2020 г. на заседании клуба «Валдай» о сотрудничестве России с Китаем трактовалось как гипотетическая возможность создания с ним военного союза, хотя президент России прямо заявил, что такой задачи стороны пока не ставят.

Вопрос, однако, на наш взгляд, не столько в том, возможно ли это в действительности? В жизни и политике возможно, как известно, почти все. Да и Путин подтвердил, что мы этого «в принципе исключать не собираемся». Вопрос в другом — выгодно ли, а, следовательно, рационально ли это? И поэтому возникает ряд мыслей, требующих уточнений и более пристального к ним внимания.

Во-первых, о том, как будет выглядеть подобный союз, если Китай и Россия вдруг решатся создать его. Наверняка, в силу изменившейся в корне мировой ситуации, он уже не станет подобен тому, который мы имели в 1950-е годы. А если возникнет на новых началах, то на каких именно?

Во-вторых, хотя любые альянсы обусловлены, как правило, взаимной заинтересованностью его участников и конъюнктурой момента, в который они создаются, нелишне поразмышлять о том, как его воспримут ближайшие соседи РФ и КНР, т.е. их региональное окружение, да и мировое сообщество в целом? Наверняка, неоднозначно.

И в таком случае появляется третий и, пожалуй, ключевой вопрос: станет ли в результате создания такого союза в мире безопаснее, спокойнее, лучше и надежнее? Или ситуация еще более усугубится, и скатывание в пропасть новой «холодной» (а за ней, возможно, и «горячей») войны примет необратимый характер?

Одновременно возникают и другие темы для размышлений. Например, какие цели в случае формирования российско-китайского альянса будет преследовать каждый из его участников с учетом своей «ментальности» (т.е. особенностей национального характера или психотипа, совместимость которых важна при определении этих целей)? И если о гипотетической возможности такого союза уже объявлено, не означает ли это, что Китай по существу готов отойти от своей категоричной позиции невступления с кем бы то ни было ни в какие объединения, тем более военные?

Для ответов на эти и другие возможные вопросы нелишне детальнее напомнить об этапах пути, пройденного миром за последнюю треть прошлого века — с развала одного из двух, основанных как раз на союзных началах, полюсов существовавшей тогда биполярной системы и ее полного и окончательного исчезновения в конце 1991 г., заканчивая событиями последовавших трех десятилетий российской истории, включавшей правление Ельцина с его проамериканским креном, завершившимся знаменитым «примаковским разворотом над Атлантикой», который стал символом поворота к новой многовекторной внешней политике России и предтечей всех последующих ее шагов — от мюнхенской речи Путина до Крыма.

Условно принимая за старт процесса распада биполярной системы, приведшего к прекращению существования СССР в декабре 1991 г., визит президента США Р. Никсона в феврале 1972 г. в КНР, который положил начало американо-китайскому сближению и стал значимым не только для того периода, но и для развития мировой истории и международной политики на длительную перспективу, зачатками ее следует

считать не только завоевание Советской Армией прочных позиций для СССР в Европе в мае 1945 г., но и разгром на Дальнем Востоке милитаристской Японии, определенную роль в котором сыграл Китай.

Причем если в формировании биполярности на европейском континенте правомерно рассматривать в качестве определяющего фактора идеологическую разграничительную составляющую этого процесса, то для Азии такое объяснение появления в ней «коммунистического полюса» выглядит излишне упрощенным.

Известно, что задолго до применения на практике в КНР знаменитого афоризма Дэн Сяопина о «пригодности кошки любого цвета, если речь идет о ловле мышей», схожую с ним модель в отношении этой страны пытался опробовать И.В. Сталин, который одновременно взаимодействовал в ходе антияпонской войны и с Чан Кайши, и с Мао Цзэдуном, а после ее окончания отнюдь не стремился слишком явно к укреплению сил КПК с целью приведения ее к власти в Китае. Причем его колебания продолжались достаточно долго.

Примечательно, что в январе 1946 г. с секретной миссией в Москве побывал сын Чан Кайши Цзян Цзинго, обсуждавший в ходе двух встреч со Сталиным внутренние и внешние проблемы Китая¹.

Вторичность идеологических предпочтений Сталина на китайском направлении упоминалась и некоторыми американскими исследователями, утверждавшими, что в поисках «опорной силы» в Китае он руководствовался соображениями не идеологического, а прежде всего геополитического характера.

В качестве одного из аргументов в пользу этого выдвигалось предположение, что Сталин, уже ощущавший якобы близость распада «большой тройки» в связи с исчезновением главной причины ее создания — необходимости борьбы с гитлеризмом, — испытывал, с одной стороны, опасения, что вся военная и экономическая мощь идеологически чуждых нам США и Великобритании будет перенацелена на борьбу против СССР, и поэтому не хотел быстрого захвата китайской компартией власти в самой многонаселенной стране мира, а с другой — рассчитывал на завоевание коммунистами власти в Европе и Азии легальным путем через укрепление своих позиций в исполнительных и законодательных органах или создание коалиций с буржуазными партиями².

Одновременно трудно не согласиться с мнением известного российского китаевода Ю.М. Галеновича, утверждавшего, что в конце 1940-х годов «Сталин с большим подозрением относился к КПК, не исключая того, что она может стать подобной Союзу коммунистов Югославии, а сам Мао — оказаться «вторым маршалом Тито»,...и на Востоке Китай Мао Цзэдуна может оказаться в военном лагере, враждебном СССР»³.

И это не голословные утверждения, поскольку хорошо известно о многочисленных попытках установления спецслужбами США контактов с руководством КПК под разнообразными предлогами еще до начала Второй мировой войны и в ходе нее, в частности путем направления к китайским коммунистам различных американских миссий.

Таким образом, борьба, начавшая разворачиваться накануне войны между США и СССР за будущий Китай, во второй половине 1940-х годов стала по существу составной частью их соперничества за геополитическое влияние не только в этой стране, но и на всем азиатском континенте.

1. *Давыдов А.С.* Пекин, Вашингтон, Москва: взаимоотношения в контексте трансформации глобальной архитектуры. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 78–79.

2. См.: *Uncertain Years. Chinese-American Relations, 1947–1950*/ Ed. by D. Borg & W. Heinrichs. N.Y.: Columbia University Press, 1980. Pp. 295–297.

3. *Галенович Ю.М.* Сталин и Мао. Два вождя. М., 2009. С. 38.

Даже после образования КНР американцы не оставляли попыток повлиять в благоприятном для себя направлении на политический курс нового китайского руководства во главе с Мао, используя все доступные информационно-пропагандистские средства в стремлении убедить вождя КНР в том, что Китаю не по пути с Советским Союзом, который хочет якобы лишь замены одной формы колониализма на другую и осуществляет территориальные притязания. Цель, которую преследовали тогда США, заключалась в предотвращении — любой ценой — присоединения Китая к социалистическому содружеству.

Надежды на достижение этой цели подкреплялись американскими политиками и политологами сопоставлением степени влияния на китайских коммунистических лидеров советской и западной идеологий. В поддержку мнения о прозападной ориентации верхушки КПК приводились аргументы об их образовании, позволяющем хорошо разбираться в западной экономике и политической теории, о заинтересованности КНР в необходимости торгово-экономических и технологических связей с Западом для подъема собственной страны, о привлечении к управлению всем этим лиц прозападной ориентации. Не последнюю роль играло укоренившееся в политических кругах США мнение об интересе, проявлявшемся некоторыми руководителями КПК, включая Мао Цзэдуна, к концепции американских политологов о превращении Китая в фактор «баланса сил» на Дальнем Востоке.

Кстати, именно к ней вновь обратились в американском руководстве для обоснования первых реальных шагов в направлении сближения с КНР, совпавших с воцарением в Белом доме президента Р. Никсона и ставших почти одновременными с выстрелами на острове Даманский.

Что касается китайско-советских союзнических связей, закрепленных Договором о дружбе, союзе и взаимной помощи от 14 февраля 1950 года, то они реально поддерживались на протяжении 50-х годов XX века, а затем стали постепенно ослабевать, сворачиваться и к середине 1960-х были практически заморожены. Это произошло не в последнюю очередь по причине существенных разногласий между лидерами обоих государств — Мао Цзэдуном и Хрущевым.

Безусловно, от союзных связей Китай получал тогда существенно больше, чем СССР: в КНР с помощью Советского Союза была создана мощная и передовая по тем временам индустриальная база. Многие тысячи задействованных впоследствии в разных ее отраслях китайских специалистов получили в советских вузах высшее и специальное образование.

Китай же, как известно, зачастую уклонялся от выполнения некоторых союзнических обязательств, особенно, если речь шла о совместных проектах в оборонной области, для которых требовалось создание определенной инфраструктуры, либо объектов на его территории или вблизи нее⁴, считая это посягательством на собственный суверенитет. И Советскому Союзу оставалось лишь надеяться, что «братская дружба» крепнущего с его помощью Китая сможет помочь ему когда-нибудь в будущем. Но этого так и не произошло.

К тому же глобалистские лидерские замашки Мао, которые он не осмеливался проявлять при Сталине, выдвинулись на первый план. Начавшиеся с частных споров и теоретических разногласий раздоры привели к нарушениям, приостановлению и последующему прекращению многих двусторонних связей.

4. Речь идет, прежде всего, о советском предложении КНР по созданию так называемого совместного флота и строительству военной длинноволновой РЛС для управления подводными лодками ВМФ СССР, действовавшими в акватории Тихого океана. (См.: *Кудашев Р.Ш. Моя жизнь в Китае*. М., 2008. С. 74–75).

Естественно, что США, внимательно следившие за деградацией отношений СССР и КНР, не преминули воспользоваться ситуацией. Искомая ими цель — китайско-советский раскол — оказалась достижимой намного легче и проще, чем предполагалось, и без видимых чрезмерных усилий с их стороны.

Проблемы, связанные с провалом советской политики в отношении Китая в 1960-е — 1970-е годы, тщательно изучались не только зарубежными, но и отечественными специальными службами и исследовательскими центрами. В системе Академии наук СССР было создано для этого особое учреждение — Институт Дальнего Востока (ИДВ АН СССР).

Наряду с многочисленными выводами, свидетельствовавшими об огрехах и просчетах в нашей китайской политике на различных ее этапах и направлениях, суммарным результатом исследований ИДВ стала констатация наших недостаточных знаний о Китае, признание отсутствия в советской руководящей среде глубоких представлений о его истории, культурном наследии, философском фундаменте и национальном менталитете.

Иными словами, среди тогдашних руководителей СССР не оказалось людей, имевших реальное представление о стране, которую они избрали в союзники⁵. Неудивительно поэтому, что Мао Цзэдун не воспринимал Хрущева в качестве равного себе по уровню знаний и интеллекту лидера великой державы. Хотя Сталин, как уже отмечалось выше, и не доверял Мао, но подходил к отношениям с Китаем гораздо вдумчивее, осмысленнее и более осмысленно, нежели Хрущев.

При формировании внешней политики и выстраивании международных отношений СССР определяющими для этого советского руководителя были принципы марксизма-ленинизма и идеи «пролетарского интернационализма». Всех, кто не следовал этим принципам и идеям, он автоматически причислял к «догматикам» или «ревизионистам». Со своей стороны, Мао никогда не занимался специально основами марксистской теории и, судя по его работам, не вполне отдавал себе отчет в содержании постулируемых ею законов «классовой борьбы и перехода от капитализма к социализму». Более того, согласно давней китайской традиции, он весьма осторожно и критически подходил к любым теоретическим новациям, попадавшим в Китай извне.

В статье «О новой демократии» Мао писал: «Мы должны впитывать все то, что может нам сегодня пригодиться. Однако со всем иностранным следует обращаться как с пищей, которая сначала разжевывается во рту, перерабатывается в желудке и кишечнике, смачивается слюной, желудочным и кишечным соком, а затем разделяется на отбросы, которые устраняются, и экстракт, который усваивается; только тогда пища становится полезной для нашего организма. Подобно этому нам не следует проглатывать все иностранное целиком, без разбора. Требование «сплошной европеизации» ошибочно. Механическое заимствование всего иностранного в прошлом принесло Китаю большой вред»⁶.

Такие «особенности» компартии Китая, выделявшие ее среди большинства компартий других стран, еще в 1940-е годы подмечали американские дипломаты. В одном из своих донесений госсекретарю тогдашний генеральный консул США в Шанхае Кэбот в конце 1948 — начале 1949 г. писал: «Китайские коммунисты все решительнее являются сторонниками Мао Цзэдуна. Они отличаются от других коммунистов, и их позиции не идентичны позициям Москвы. Они, во-первых, китайцы, а коммунисты — во-вторых»⁷.

5. Среди сотрудников аппарата органов высшей партийной и государственной власти СССР такие специалисты были, но либо они не могли «перечить верхам», либо к их мнению не считали нужным прислушиваться.

6. Мао Цзэдун. Избранные произведения. Т. 3. М., 1953. С. 270.

7. Foreign Relations of the United States. 1949. Volume 8. Far East and China. P. 4.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что не найдя согласия в теории, не проявив достаточной дипломатичности и гибкости во взаимных подходах друг к другу, советская и китайская стороны резко разошлись в разных направлениях. Но решение Хрущева отозвать из КНР специалистов, не оставляя никакой технической документации на строительных объектах, прекратить поставки промышленного оборудования и в целом сократить связи вызвало у китайцев совсем не ту реакцию, на которую он рассчитывал, надеясь продемонстрировать этими мерами, что Москва помогает только тем, кто выполняет ее волю.

Китайская сторона была возмущена, и ее ответ выразился в ответе «советским правителям», которым «никогда не удастся сделать с нами (КНР) то, что им вздумается»⁸. Попытка «одним ударом сломить Пекин» одновременно продемонстрировала невежество советского руководства и непонимание того, что во взаимоотношениях с КНР необходим «учет китайской специфики», знание особенностей китайского национального характера и тонкостей менталитета народа этой страны.

А особенности эти имели глубокие исторические корни. Известно, что многие сделанные китайцами в древности со значительным опережением Европы естественнонаучные и технические открытия, достигнутый ими прогресс в развитии философии, искусства и литературы, распространение своего влияния вместе с письменностью в соседние прилежащие страны издревле породили у правителей Китая представление об особой цивилизаторской миссии китайского народа. При этом самоизоляция и самобытность культивировали национальное чванство и консерватизм.

Ведя замкнутый, изолированный образ жизни, Китай редко контактировал с другими народами, а если сталкивался, то главным образом с народами более низкими по экономическому и культурному уровню развития. Это послужило объективной предпосылкой для появления идеи превосходства всего китайского над некитайским, которая стала квинтэссенцией китаецентризма, пронизав все стороны духовной жизни китайского общества. Недаром в иероглифическом обозначении китайское название страны *Zhongguo* переводится на русский язык как «Срединное государство», а попросту — «пуп Земли». От восприятия самих себя как «исключительных», или «Богом избранных» возникли самомнение и убежденность в собственном совершенстве, которые вызывали естественное отторжение всего, что связано с преобразованиями и реформами, предлагаемыми извне.

Как справедливо отмечал Г. Киссинджер, «Китай никогда не снисходил до длительного общения с другой страной на принципах равенства, ведь ему никогда не встречались общества, сравнимые с ним по культуре и величию. Тот факт, что китайская империя возвышалась над всеми в своем географическом районе, принимался по сути как закон природы, своего рода мандат Неба»⁹.

По его меткому наблюдению, другим странам Китай предлагал «расчетливый, несентиментальный вид дружбы... При таком подходе противоположной стороне льстят, позволяя ей вступить в китайский «клуб» в качестве «старого друга». В такой ситуации трудно говорить о разногласиях, а конфронтация воспринимается весьма болезненно. Китайские дипломаты, когда проводят дипломатию Срединного государства, действуют так, чтобы подтолкнуть своих партнеров на признание китайского превосходства, и тогда уступка может выглядеть как предоставление особых льгот собеседнику»¹⁰.

За «заморскими чертями», как в Китае величали иностранцев, признавались практическая смекалка и технические познания, проявлялась готовность пользоваться их

8. Лобода И.Г. Москва—Пекин: что дальше? М., 1995. С. 257.

9. Генри Киссинджер. О Китае. М., 2013. С. 32.

10. Генри Киссинджер. О Китае. М., 2013. С. 270.

услугами для реорганизации военных структур или производств, но это не затрагивало сферы государственного устройства, основ правосудия, философии или религии.

Особенности географической среды и экономических условий наложили печать на все стороны духовной жизни, а систематическая борьба со стихийными бедствиями способствовала выработке таких качеств в национальном характере китайцев, как трудолюбие, настойчивость, изобретательность, целеустремленность, пытливость ума, а также необыкновенное терпение и покорность.

Кроме того, на формирование их национального характера огромное влияние оказали конфуцианство, даосизм и буддизм — три религиозно-философских учения, особенно глубоко воздействовавших на выработку китайской психологии. Их постулаты воспринимались как аксиома, и любое критическое осмысливание этих учений приравнивалось к попытке потрясти основы жизни общества.

Самым неприятным для китайца считается «потеря лица», т.е. публичное уличение или обвинение в чем-то недостойном, потеря репутации в глазах окружающих. Угроза обвинения в неправоте, чреватая утратой чести, часто приводит к порождению фальши во взаимоотношениях. Лживость и неискренность — не редкие среди китайцев свойства.

Не приписывая всей китайской нации таких негативных качеств, как жестокость, равнодушие и мстительность, все-таки не следует забывать, что на определенных этапах истории, даже современной, включая «культурную революцию», они проявлялись очень явно и носили массовый характер.

Здесь перечислены лишь наиболее приметные черты, характерные для национального психотипа китайцев, который, несмотря на обилие исследований на эту тему, изучен еще далеко не полностью. Подводя некоторый итог, следует отметить, что внешнее дружелюбие и радушие маскируют китайскую скрытность, и в отличие от русской «души нараспашку» китайцы стараются сдерживать свои эмоции, а сам Китай — очень закрытая страна, некая «вещь в себе».

На основе личного опыта продолжительного проживания и работы в Поднебесной, но не в отечественных зарубежных представительствах, а именно в китайской среде, напрашивается сравнение Китая с айсбергом, погруженным на 9/10 в непроницаемую для постороннего глаза водную пучину, скрывающую то, что реально творится в ней, что происходит в умах 1,5-миллиардного населения этой страны, а главное — ее руководства, делающего, как правило, лишь то, что выгодно ему и Китаю, мало считающегося с интересами других государств, если они не совпадают с китайскими, и, как правило, идущего на компромиссы с большим трудом.

При сопоставлении типичных черт характера, определяющих национальный менталитет китайцев, с аналогичными качествами, присущими русским, нельзя не заметить существенных отличий. В то время как у обеих наций совпадают, например, такие черты, как упорство, целеустремленность, стойкость и патриотизм, то преобладающими чертами в русском характере, согласно опросу, проведенному 12 августа 2020 г. Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) «Спутник», признаются, кроме того, доброта, душевность, склонность к соучастию и сопереживанию, мужественность, терпимость, безотказность, способность приспосабливаться к обстоятельствам, взаимовыручка, честность, искренность и оптимизм.

Выделяются и некоторые различия, существующие в национальных психотипах двух народов. Так, например, прагматизм у русских гораздо менее выражен, чем у китайцев. Еще с советских времен «классовая солидарность», или «интернациональный долг», выдвигали нас в первые ряды готовых помогать всем, кто сталкивался с трудными обстоятельствами, причем зачастую бескорыстно и безвозмездно. Предприятия, построен-

ные в КНР в большинстве авансом в 1950-е годы, – веское тому доказательство¹¹. Бескорыстие во многих случаях наличествует и теперь.

Несколько по-иному ведет себя разбогатевший ныне Китай. Он тоже помогает менее развитым, чем он, и более отсталым странам, особенно в Африке и Латинской Америке. Но его помощь часто обусловлена последующими ожидаемыми материальными выгодами: долгосрочными прибыльными контрактами либо обязательствами о закупках получателем этой помощи исключительно китайских товаров и т.п.

Конечно, совместимость национальных психотипов стран-участниц не является первоочередным условием при заключении ими договора о союзных отношениях, но она должна, на наш взгляд, играть при этом не последнюю роль. Гораздо искреннее, надежнее и прочнее складываются отношения между партнерами, настроенными априори «на одну волну». Такой настрой добавляет этим отношениям доверительность и предсказуемость. И наоборот, излишний прагматизм одной из сторон на фоне вторичности его для другой может, к примеру, сказаться в будущем на прочности планируемого союза и даже поставить под вопрос его сохранение.

А непредсказуемость поведения одного из партнеров в двустороннем договорном альянсе вообще лишает его всякого смысла. Вспомним, к слову, «метания» КНР от СССР к США в конце 1960-х годов и ее «отступление в обратную сторону» за счет «включения рычага баланса сил» после событий на площади Тяньаньмэнь в мае 1989 г.

С таким Китаем не только союз, но обычное партнерство было затруднительным, хотя М.С. Горбачев тогда очень на него рассчитывал. Характерно, однако, что спустя непродолжительное время КНР вновь оказалась «в американских объятиях», стремясь к получению в США передовых технологий и доступа на американские рынки. Не свидетельствует ли это о соображениях конъюнктурности, которыми руководствовались в тот момент китайские лидеры? И зачастую продолжают руководствоваться. Для создания прочного союза это является очевидным недостатком, возможно, более серьезным, чем различия в национальных менталитетах.

Но самое главное, пожалуй, даже не в этом, а в том, как воспринимается в настоящее время идея создания договорного союза между КНР и Россией в профессиональной среде политиков и политологов обеих стран. Мнений на эту тему среди экспертов немало, но в основном эти мнения разделяются на сторонников союза, его противников и тех, кто придерживается так называемой промежуточной точки зрения¹².

В среде китайских экспертов в качестве активных сторонников идеи китайско-российского союза заметны профессор факультета международных отношений Университета Цинхуа Янь Сюэцун¹³ и профессор Пекинского университета авиации и космонавтики Чжан Вэньму¹⁴.

Аргументы первого в поддержку союза сводятся к тому, что для обоих партнеров он становится неизбежным, поскольку путь как в западные (типа НАТО), так и в

11. См.: Участие СССР в реконструкции и строительстве «156 производственных объектов» в 1950-е годы. Новые факты и обстоятельства советско-китайского сотрудничества: коллективная монография под ред. д.и.н. Н.Л. Мамаевой. М.: ИДВ РАН, 2018.

12. Исследований, анализирующих позиции и аргументы сторонников каждой из трех точек зрения, пока не так много. Любопытной в этом отношении представляется поэтому, например, дипломная работа китайского выпускника МГИМО (У) МИД РФ Чэнь Кэсы «Партнерство, а не союз: нынешнее состояние и будущее китайско-российских отношений», выполненная им на кафедре международных отношений и внешней политики России МГИМО под руководством к.и.н., проф. Ю.А. Дубинина. Некоторые приводимые автором данные почерпнуты в т.ч. из этого исследования.

13. См.: 阎学通:《俄罗斯可靠吗》国际经济评论 2012年, 第三期.

14. См.: 张文木:《中俄结盟的限度、目标和意义》,《社会观察》, 2012年, 第3期, 第86页.

региональные азиатские объединения для них закрыт. В то же время союз с Россией, без которого его страна не может стать мировым лидером, «ослабит международное давление на Китай и предотвратит его изоляцию в Совете Безопасности ООН». С другой стороны, «союз с Китаем, по мнению Яня, — наилучший выбор для России, поскольку может усилить ее влияние на востоке, куда она стремится». При этом проф. Янь исходит из того, что союз РФ и КНР «не изменит структуру существующей международной системы и не обострит китайско-американские конфликты», что представляется весьма сомнительным.

Профессор Чжан Вэньму, не будучи экспертом по китайско-российским отношениям, но являясь специалистом в области национальной стратегии развития КНР, полагает, что целью такого союза могла бы стать «защита Ялтинских мирных рамок». При этом он предлагает «не загонять США в угол», оставляя им возможность дипломатического маневрирования.

Как видно, в соображениях китайских экспертов—сторонников идеи китайско-российского союза центральное место занимают конъюнктурные цели вывода с его помощью Китая в мировые лидеры. В аргументах о полезности его для России превалирует подтекст некой ее вторичности, вспомогательности и закамуфлирована мысль о выгоды такого альянса, прежде всего, для самого Китая. России отводится роль не столько равноправного экономического и политического партнера, сколько некой «подпорки» или контрсилы, способной помогать КНР противостоять тем действиям США в АТР и на глобальном уровне, которые идут вразрез с китайскими интересами, и готовой содействовать китайским усилиям по обеспечению для Китая ведущего положения в мире. Очевидно, что при такой мотивировке союз Китая и России вряд ли продержится долго.

Насколько известно, в нашей стране сторонниками союзных договорных отношений между Россией и Китаем являются преимущественно представители военных кругов и отдельных силовых структур. Не будучи глубоко погруженными в тонкости упомянутой «китайской специфики» и ориентируясь преимущественно на совокупные данные количественных показателей вооружений обеих стран, которые, по мнению силовиков, могут и должны обеспечить планируемому союзу РФ и КНР неоспоримое военное превосходство над Западом, они, по сути, забывают или упускают из виду серьезные политические противоречия и нестыковки, до сих пор существующие между потенциальными союзниками, несмотря на формальную констатацию урегулирования между двумя странами «всех проблем, оставшихся в наследство от истории».

А таких вопросов немало, начиная с нежелания Китая присоединяться к российско-американским переговорам о стратегических вооружениях, без чего они не могут начаться, по мнению Трампа, и кончая различиями во взглядах КНР и РФ на экономическое развитие Центральной Азии, деятельность ШОС и других региональных организаций, «особую позицию» Китая по Крыму, территориальному спору России с Японией и расхождения по арктической тематике.

Российские сторонники союза с Китаем, мотивируя свою позицию усилением защиты наших интересов, не понимают или игнорируют факт, что такой союз сегодня следует не пропагандировать, а наоборот — побаиваться его создания. И прежде всего самой России. Ибо в случае его гипотетического заключения часть российского суверенитета окажется в руках КНР, и нам придется задуматься, как выстраивать уже новые — теперь союзные — отношения со страной, население и ВВП которой десятикратно превосходят наши. При этом российская граница с КНР имеет протяженность свыше 4000 км, и по своей территории Россия с ее редко заселенным и мало освоенным Дальним Востоком превосходит Китай почти втрое.

Не стоит забывать также, что Председатель КНР Си Цзиньпин постоянно и настойчиво настраивает верхушку НОАК на «возможные скорые боевые действия» без указания конкретного противника. Об этом он говорил недавно на очередной встрече с ар-

мейским генералитетом 25 ноября 2020 г. Если подразумевается «освобождение Тайваня», то России как потенциальному союзнику по «боевым действиям» нужно серьезно подумать, стоит ли в это ввязываться. А если имеется в виду нечто другое...

Даже не союз, а просто единый российско-китайский полюс в грядущей мировой архитектонике представить достаточно сложно, ибо между двумя странами с их внешними амбициями неизбежно возникнет проблема «ведущего и ведомого», способная обострить уже существующие у них разногласия.

Если союз будет все-таки создан, очевидно, что его главное «боевое острие» будет нацелено на США. При нынешней ситуации в американо-китайских и американо-российских отношениях такую цель можно считать оправданной, тем более, когда речь идет о совместной обороне.

Но при отсутствии реальных боевых действий российско-китайский договорный альянс, предусматривающий взаимодействие военного характера, будет создавать дополнительную напряженность в мире. И в этом случае возникновение глобального противостояния между российско-китайским союзом и НАТО с последующим «повторением пройденного» — формированием новой биполярности — исключить нельзя.

Несомненно, в условиях конфронтации торгово-экономическое взаимодействие внутри «большой тройки» будет свернуто. И пострадают от этого не только ее страны-члены, но мировая экономика в целом. Вряд ли это устроит Китай, у которого, как известно, все строится исключительно на прагматизме: когда ему выгодно, он ратует за установление и расширение связей, а если нет — готов прекратить их в любой момент. До сих пор у КНР не наблюдалось союзников или друзей, а существовали исключительно партнеры, самым лучшим из которых был тот, с кем выгоднее всего торговать.

А что если победивший на президентских выборах в США Дж. Байден, несмотря на свою китаефобию, предвыборные антикитайские популистские заявления и предварительный подбор в формируемую администрацию лиц, числящихся в «ястребах», вдруг повернет китайский курс Америки на 180 градусов, когда речь пойдет о реальных политических шагах, и вернется на позицию, сходную с той, которую занимала в свое время первая администрация Обамы?

Нет никакой уверенности, что в этом случае Китай по-прежнему останется привержен идее союзных отношений с Россией. Тем более что, как известно, имеющий вес и влияние крупный частный бизнес КНР, особенно тот, который базируется в южных и юго-восточных регионах страны, желал победы Байдену и выступает против этой идеи¹⁵.

Россия и сегодня остается великой державой, исходя в первую очередь из размеров ее территории и имеющегося в ее распоряжении природного и военного потенциала. Но претендовать на роль сверхдержавы, опираясь исключительно на ресурсы и военную силу, при значительном экономическом отставании от двух других мировых лидеров — США и КНР — она пока не в состоянии.

Поскольку, по глубокому убеждению автора, новый миропорядок, о котором говорится постоянно, еще не сформирован окончательно, и наш мир в первой четверти XXI века находится скорее в состоянии «миробеспорядка», главная роль России видится ныне в его настройке и последующей отладке, совместно с КНР, США и другими ведущими державами, «мировых механизмов», в содействии достижению необходимого глобального баланса и равновесия.

Каким должен стать формирующийся новый миропорядок — однополярным, вновь биполярным или многополюсным — во многом зависит от того, каковы будут международное поведение и взаимоотношения стран внутри «большой тройки». Союз Рос-

15. Инвестиции КНР в российскую экономику поступают исключительно по государственным каналам.

сии с одной из сверхдержав против другой с неизбежными ответными шагами противной стороны еще сильнее дисбалансирует мироустройство, сделает его более хрупким, затормозит процесс его окончательного оформления.

При всех различиях национальных менталитетов трех стран существует нечто одинаковое у китайцев и американцев – если не роднящее, то делающее их очень похожими друг на друга. Это так называемый *superiority complex*, или мания величия, внутренняя убежденность в собственном превосходстве над окружающими. Эта мания — одна из движущих сил, толкающих Китай вверх, к высотам глобального верховенства и в то же время заставляющая Америку удерживаться на вершине мирового пьедестала, не давая соскользнуть вниз.

Но если американский комплекс собственного величия взращивался на «почве демократии» в течение всего лишь двух с половиной веков, то китайский культивировался издревле на протяжении тысячелетий, причем в тоталитарных условиях — сначала при монархии, а потом при однопартийном диктате.

В нынешнем противостоянии между двумя странами не исключена опасность того, что искрой, которая спровоцирует взрыв, может стать, в том числе, стремление одной из сторон «не на словах, а на деле» доказать, кто «более велик и могуч» — цивилизация, являющаяся самой древней на земле, или достигшая феноменального прогресса на всех направлениях за предельно короткий исторический срок. И при наличии у КНР и США собственных внутренних сложностей и трудностей конфронтационные тенденции в «треугольнике» будут только усиливаться.

Раньше зачатки подобного самомнения наблюдались и у СССР, но после его распада такие настроения исчезли на государственном уровне, и их отголоски слышатся лишь изредка в пропагандистских пассажах некоторых отечественных СМИ, привыкших выдавать желаемое за действительное. Поэтому нынешней России сама судьба предопределила занять в «большой тройке» промежуток между США и Китаем для амортизации обострений между ними.

При сегодняшних, наихудших за последние десятилетия отношениях между Россией и США вряд ли целесообразно ухудшать их еще больше заключением военного союза с КНР. Президент РФ В. Путин совершенно справедливо подчеркнул, что Россия может «обойтись и без Америки», имея в виду состояние наших теперешних двусторонних связей. К сожалению, однако, каковы бы они ни были, обойти сам факт существования Америки в этом мире все же не удастся.

И чтобы не усугублять противоречия с США, разумнее и рациональнее не переводить партнерство с Китаем в формат союза, а занять оптимально выгодную для нас позицию «умной обезьяны, наблюдающей с вершины горы за схваткой двух тигров». По отношению к США такую позицию можно было бы, к примеру, назвать «поддержанием и сохранением стратегического равновесия», а к Китаю — «всесторонним взаимодействием и всеобъемлющим дружественным партнерством».

К идее партнерства, а не союза КНР и России склоняется, как стало очевидным, и преобладающая часть китайских экспертов. Среди наиболее видных ее приверженцев находится, к примеру, директор Центра российско-китайских исследований Фуданьского университета Чжао Хуашэн¹⁶. Он полагает, что для создания такого союза сегодня отсутствуют необходимые условия, поскольку ни Китай, ни Россия пока не испытывают непосредственной военной угрозы со стороны США или НАТО, а стратегическая цель обеих

16. См.: Чэнь Кэсы. «Партнерство», а не «союз»: нынешнее состояние и будущее развития китайско-российских отношений / науч. рук. к.и.н., проф. Ю.А. Дубинин; МГИМО (У) МИД РФ. М., 2020.

держав заключается не столько в союзном воссоединении, сколько в том, чтобы стать самостоятельным полюсом в будущем многополярном мире.

Кроме того, когда речь идет о создании союза, это, по мнению проф. Чжао, означает, прежде всего, военный союз и оказание взаимной военной поддержки. А в случае нарушения военных обязательств будет нарушено государственное доверие и в итоге ухудшатся двусторонние отношения. Попытка создания союза в условиях, когда взаимодоверие и общие интересы двух государств еще не достигли определенного уровня соответствия, чревата плачевными результатами.

Бывший военный атташе посольства КНР в РФ, вице-президент Общества истории китайско-российских отношений, генерал-майор Ван Хайюнь¹⁷ отмечает определенные сомнения в общественном мнении двух стран в отношении необходимости такого союза, психологическим барьером для создания которого является значительное экономическое превосходство КНР над Россией, а «конфликт их стратегических интересов с интересами западных стран, считает он, вовсе не означает, что антизападная политика обоих государств является преднамеренной».

В целом эксперты КНР полагают, что та положительная роль, которую мог бы сыграть союз, вполне может быть реализована и в рамках партнерства. А слабый союз, каким он почти наверняка окажется по сравнению с глобальной системой альянсов, возглавляемых США в новой двухполюсной мировой структуре, которая неизбежно сложится, может серьезно ухудшить международную ситуацию и воспрепятствовать дальнейшему подъему и развитию как КНР, так и России.

Таким образом, именно сохранение партнерских отношений между Россией и Китаем, а не создание союза между ними, остается наиболее оптимальным выбором, который поддерживает большинство профессиональных экспертов в области международных отношений и внешней политики в обеих странах.

Разлом старого миропорядка XX века, результатом которого была неудавшаяся попытка США превратить мир в однополярный и настроить его «под себя», породил эру нетерпимости, когда одни хотят расправиться с другими, даже не осознавая порой, к чему это может привести.

В условиях разбалансировки всей мировой системы – деградации сферы глобальной безопасности, разрушения механизмов контроля над стратегическими вооружениями, ставки на силовые методы решения региональных конфликтов, потуг террористов воспользоваться условиями пандемии для демонстрации возможности расширения своих средств и влияния путем привлечения биоарсеналов — становится особенно актуальным явить миру пример трезвомыслия, показать пути к нормализации международных отношений, их коллективной перестройке и управлению ими.

Именно в этом видится, в первую очередь, общая совместная роль России и Китая — двух крупнейших по территории и населению мировых держав, влиятельных членов Совета Безопасности ООН, у каждого из которых свои долговременные цели и замыслы, но одинаковое стремление сделать мир более безопасным, а жизнь в нем — предсказуемой и счастливой. А залогом его реализации являются прочные партнерские связи между нашими странами.

17. См.:王海运:《“结伴而不结盟”:中俄关系的现实选择》,《俄罗斯东欧中亚研究》2016年,第5期,第9页.

Литература

- Бурлацкий Ф.М. Маоизм — угроза социализму в Китае. М., 1968.
 Галенович Ю.М. Сталин и Мао. Два вождя. М., 2009.
 Давыдов А.С. Пекин, Вашингтон, Москва: взаимоотношения в контексте трансформации глобальной архитектуры. М.: ИДВ РАН, 2015.
 Киссинджер Г. О Китае. М., 2013.
 Кудашев Р.Ш. Моя жизнь в Китае. М., 2008.
 Лобода И.Г. Москва–Пекин: что дальше? М., 1995.
 Малевич И.А. Внимание, Китай. Минск–Москва, 2001.
 Мао Цзэдун. Избранные произведения. Т. 3. М., 1953.
 Рахманин О.Б. Страницы пережитого. М., 2005.
 Чэнь Кэсы. «Партнерство», а не «союз»: нынешнее состояние и будущее развития китайско-российских отношений. Дипломная работа выпускника МГИМО (У) МИД РФ. Научный руководитель: к.и.н., проф. Ю.А. Дубинин. М., 2020.
 Foreign Relations of the United States. 1949. Volume 8. Far East and China.
 Uncertain Years. Chinese-American Relations, 1947–1950/ Ed. by D.Borg&W.Heinrichs. N.Y.: Columbia University Press, 1980.
 阎学通: 《俄罗斯可靠吗》—国际经济评论 2012年, 第三期.
 张文木: 《中俄结盟的限度、目标和意义》, 《社会观察》, 2012年, 第3期.
 王海运: 《“结伴而不结盟”: 中俄关系的现实选择》, 俄罗斯东欧中亚研究 2016年, 第5期.

References

- Burlackij F.M. Maoizm — ugroza socializmu v Kitae. M., 1968.
 Galenovich Yu.M. Stalin i Mao. Dva vozhdya. M., 2009.
 Davy'dov A.S. Pekin, Vashington, Moskva: vzaimootnosheniya v kontekste transformacii global'noj arxitektoniki. M.: IDV RAN, 2015.
 Kissindzher G. O Kitae. M., 2013.
 Kudashev R.Sh. Moya zhizn' v Kitae. M., 2008.
 Loboda I.G. Moskva–Pekin: chto dal'she? M., 1995.
 Malevich I.A. Vnimanie, Kitaj. Minsk–Moskva, 2001.
 Mao Cze'dun. Izbranny'e proizvedeniya. T. 3. M., 1953.
 Raxmanin O.B. Stranicy perezhitogo. M., 2005.
 Che'n' Ke'sy'. «Partnerstvo», a ne «soyuz»: ny'neshnee sostoyanie i budushhee razvitiya kitajsko-rossijskix otnoshenij. Diplomnaya rabota vy'pusknika MGIMO (U) MID RF. Nauchny'j rukovoditel': k.i.n., prof. Yu.A. Dubinin. M., 2020.
 Foreign Relations of the United States. 1949. Volume 8. Far East and China.
 Uncertain Years. Chinese-American Relations, 1947–1950/ Ed. by D.Borg&W.Heinrichs. N.Y.: Columbia University Press, 1980.
 阎学通: 《俄罗斯可靠吗》《国际经济评论》2012年, 第三期.
 张文木: 《中俄结盟的限度、目标和意义》, 《社会观察》, 2012年, 第3期.
 王海运: 《“结伴而不结盟”: 中俄关系的现实选择》, 俄罗斯东欧中亚研究 2016年, 第5期.